

Алексеев Павел Викторович

МУСУЛЬМАНСКИЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ОБЪЕКТ СТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА

Статья направлена на уточнение содержания понятия "мусульманский текст русской литературы" в рамках теории локальных текстов. Рассматривается место мусульманского текста в ряду аналогичных явлений; исследуются основания выделения мусульманского текста как объекта семиотического исследования; определяется методология исследования, основанная на принципах структурного анализа. Предлагается принципиально новый подход к системному анализу западно-восточного синтеза в русской литературе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 21-24. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Christine Gregoire's State of the State Address** [Электронный ресурс]: the text of Gov. URL: <http://www.japansexnews.net/node/500> (дата обращения: 01.11.2006).
2. **Jan Brewer's State of the State Address** [Электронный ресурс]: the text of Gov. URL: <http://www.ucsoncitizen.com/mark-evans/archives/175> (дата обращения: 11.01.2010).
3. **Jodi Rell's State of the State Address** [Электронный ресурс]: the text of Connecticut Gov. URL: http://www.realclearpolitics.com/articles/2009/01/connecticut_gov_jodi_rells_200.html (дата обращения: 07.01.2009).
4. **John Hickenlooper's State of the State Address** [Электронный ресурс]: the text of Gov. URL: http://www.denverpost.com/breakingnews/ci_22347637/text-colo-gov-s-state-state-speech (дата обращения: 10.01.2013).
5. **Mitchell E. Daniels's State of the State Address** [Электронный ресурс]: the text of Gov. URL: <http://www.indianasnewscenter.com/news/political/Gov-Mitchell-E-Daniels-Jr-2011-State-Of-The-State-Address-113319694.html> (дата обращения: 11.01.2011).
6. **Nathan Deal's State of the State Address** [Электронный ресурс]: the text of Gov. URL: <http://www.11alive.com/news/local/story.aspx?storyid=221491> (дата обращения: 12.01.2011).
7. **Nikki Haley's State of the State Address** [Электронный ресурс]: the text of Gov. URL: <http://www.wtoc.com/Global/story.asp?S=13872561> (дата обращения: 19.01.2011).

GENDER ANALYSIS OF ENGLISH-LANGUAGE POLITICAL TEXT

Aleksandrova Elena Sergeevna, Ph. D. in Philology
Volgograd State University
elona1@mail.ru

The author conducts gender researches, which is one of modern linguistics priorities, and reveals gender-specific English-language political text at different levels of language system, pays special attention to the gender analysis of structural-content and linguistic-stylistic aspects of political text, and also considers the influence of social-cultural and psychological factors on the features of text formation of men- and women-politicians.

Key words and phrases: gender researches; linguistics; text; political discourse; stylistic devices; content and structural features of political text.

УДК 821.161.1

Филологические науки

Статья направлена на уточнение содержания понятия «мусульманский текст русской литературы» в рамках теории локальных текстов. Рассматривается место мусульманского текста в ряду аналогичных явлений; исследуются основания выделения мусульманского текста как объекта семиотического исследования; определяется методология исследования, основанная на принципах структурного анализа. Предлагается принципиально новый подход к системному анализу западно-восточного синтеза в русской литературе.

Ключевые слова и фразы: мусульманский текст; концептосфера; западно-восточный синтез; локальный текст; восточная поэтика; суфизм; интертекстуальность.

Алексеев Павел Викторович, к. филол. н., доцент
Горно-Алтайский государственный университет
conceptia@mail.ru

**МУСУЛЬМАНСКИЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
КАК ОБЪЕКТ СТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА[©]**

*Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-34-01331 а2
«Мифологема мусульманского востока в русском романтизме».*

Термин «мусульманский текст русской литературы» был впервые использован в рамках диссертационного исследования «Формирование мусульманского текста русской литературы 1820-1830-х годов» [2], включаясь в область структурно-семиотических исследований. Понятие «мусульманский» в отношении к литературным фактам использовано в значении «относящийся к концептосфере мусульманской культуры».

Мусульманский текст основывается на теории локальных текстов, поэтому необходимо уточнить его место в ряду аналогичных явлений. С одной стороны, обилие локальных текстов, предложенных филологами и культурологами за последние полвека (В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман, Н. П. Анциферов – «петербургский текст», Ю. В. Манн – «московский текст», Н. Е. Меднис – «венетский текст», В. И. Тюпа – «сибирский текст», Е. А. Четвертных – «элизийский текст», А. П. Люсый – «крымский текст» и др.), свидетельствует

об огромном интересе к проблемам генезиса и функционирования сверхтекстовых знаковых систем, что, в свою очередь, стимулирует развитие междисциплинарных исследований и формирование принципиально нового взгляда на художественные явления с позиций мифопоэтики, системности и интертекстуальности.

С другой стороны, создается впечатление, что бесконечное «клонирование» сверхтекстовых объектов порождает всевозможные спекуляции на эту тему. Так, авторам представляется достаточным обнаружить в ряде текстов отражение искомого города, как возникает очередной «городской» текст, и дальнейшие интерпретации художественных явлений основываются уже на нем. Кроме урбанистических текстов выделяются тексты, ядром которых выступает мифологизированный образ человека – такие тексты Н. Е. Меднис называет «именными», или «персональными» (например, «пушкинский текст») [8], и тексты, в основу которых положен миф, как в случае с «элизийским текстом» [10].

Не вдаваясь в оценку реальных и условных успехов исследования локальных текстов, отметим, что данное противоречие решается представлением о культуре как системе «вертикальных и горизонтальных текстов» [7, с. 237], в которой каждое явление текстуально по своей природе: анализ эстетических явлений возможен в плане тотальной интертекстуальности текстов и сверхтекстов, где существенная роль отводится не столько элементам, сколько отношениям элементов.

Именно изучение принципов соотношения элементов приводит исследователей к мысли о том, что между различными уровнями одного текста могут устанавливаться «дополнительные структурные связи – отношения между типами систем» [6, с. 63]. Таким образом, говоря словами Ю. М. Лотмана, «можно, взяв группу текстов (например, русскую комедию XVIII в.), рассмотреть ее как один текст, описав систему его инвариантных правил, а все различия отнести к вариантам, порождаемым в процессе его социального функционирования» [Там же, с. 64].

Лотмановский подход к сверхтекстам типологически близок тому, что Д. С. Лихачев называл по аналогии со статистической физикой «статистическим литературоведением»: при описании взаимодействия гетерогенных систем актуализируются оппозиции микро- и макромоделей, таким образом, подобный подход должен «решать задачу макрохарактеристик, минуя слишком детальные описания», необходимо «пожертвовать детальностью информации об истории каждого объекта в отдельности», используя методику «приближенных описаний» [5, с. 6].

В то же время, конструируемая модель сверхтекста любого типа будет недопустимо схематичной без анализа элементарных компонентов, которые способны высветить сложные мыслительные структуры отдельных художественных текстов, линии их развития и способы генерации смыслов: входя в большое время, литературный факт «попадает в новый контекст новых фактов, сплетается с ними в единую ткань, становится компонентом рисунка, проступающего на этой ткани и на глазах усложняющегося, и тогда смысл его имеет уже не столько границы объема, сколько опорные динамические линии» [1, с. 210-211].

Необходимость выделения «мусульманского текста» как отдельного объекта компаративистских исследований обусловлена стремлением сформировать системное представление о западно-восточном синтезе русской литературы на базе одного из самых продуктивных в семиотическом отношении локусов – мусульманском Востоке. Основные моменты в исследовании мусульманского текста: генезис и архитектоника сверхтекстового единства; философско-эстетические основания; концептосфера и мифопоэтика локального текста; принципы многократного кодирования художественного текста; имплицитное и эксплицитное в художественных текстах; жанрово-тематические и стилевые характеристики русской литературы и восточной поэтики; интертекстуальное единство мусульманского текста.

Теория мусульманского текста логически выводится из следующих основных посылок:

1. в художественных текстах русской литературы, в особенности в период с конца XVIII века по первую треть XIX века обнаруживается большое количество кодов, генетически восходящих к мусульманской культуре;
2. мусульманские коды функционируют в текстах русских классиков и в текстах массовой литературы на эксплицитном и имплицитном уровнях;
3. образы, мотивы, сюжеты и концепты мусульманской культуры в концептосфере русской культуры объединяются в комплексе важнейших для России онтологических проблем: национальная идентичность, поиски духовных истоков, диалектика западно-восточных начал русской культуры, поиски духовных ориентиров, концепции нравственного выбора и свободы, диалогическая необходимость «другого» и др.;
4. историческая обусловленность появления в русской культуре «внутреннего мусульманского Востока» – Кавказ, Крым, Сибирь и др.;
5. значительная часть мусульманских концептов реализована в художественных текстах русской литературы в плане мифопоэтики.

При изучении мусульманского текста самое пристальное внимание должно быть уделено концептам «русский Восток» и «русский ислам», которые входят в ядро концептосферы мусульманского текста русской литературы. «Ядерность» концепта «русский Восток» обусловлена значимостью мифопоэтики пространства в рамках исследуемого локального текста: через ориентальное пространство русской литературой происходит осмысление духовных ценностей по принципу «зеркала», в котором отражающаяся культура наделяется значимостью не сама по себе, а лишь в связи с ее корреляционными механизмами.

Концепт «русский ислам» объединяет в себе модель и антимодель ислама: многочисленные антимусульманские темы в художественной литературе (например, образы кавказских абреков, хитрых мулл в кавказских повестях) входят в мусульманский текст так же органично, как и темы восхищения и преклонения

перед наследием мусульманской духовности и культуры (стихотворения И. С. Бунина «Ковсерь» (1903 г.), «Тайна» (1905 г.), «Бессмертный» (1906-1907 гг.)).

Мусульманский текст русской литературы обладает всеми признаками локального текста, но в большей мере обнаруживает свое мифопоэтическое и концептуальное начало в широчайшем интертекстуальном поле, в котором переплелись образы Магомета, мотивы из Корана, реалии средневековой и современной авторам мусульманской жизни, антиисламская полемика и попытки понять роль России в мировом западно-восточном расколе.

Элементы, составляющие мусульманский текст, как правило, противопоставлены между собой по принципу «свое – чужое» в категориях «истинное – ложное» и «святое» – «греховное». А. С. Пушкин в письме П. А. Вяземскому в 1825 году пишет: «Слог восточный был для меня образцом, сколько возможно нам, благо-разумным, холодным европейцам. Кстати еще – знаешь, почему не люблю я Мура? – потому что он чересчур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо – ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. – Европейец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца. Вот почему Байрон так и прелестен в “Гяуре”, в “Абидосской невесте”» [9, с. 198-200]. Очевидно, что перед нами – не просто противопоставление двух поэтик. Поставив в одну строку поэтов Хафиза и Саади с основателем ислама Мухаммедом, Пушкин проводит концептуальную дифференциацию двух культур по признакам «свое – чужое». При этом Пушкин формирует когнитивную модель «европейский поэт и Восток», послужившую в дальнейшем критерием художественного вкуса для последующих поколений и развитием концепта «русский Восток».

Русская литература послепетровской эпохи – продукт секулярной мысли, однако духовно-нравственное начало русской литературы немыслимо без развития онтологических тем жизни, смерти, вечности и других, отсылающих к различным религиозно-философским системам и, прежде всего, ключевым религиозным текстам – Библия, Коран, Авеста и др. Для русской литературы библейский текст является более значимым, он формирует основополагающие коды. При этом интересно, что Библия и Коран, в конфессиональном плане существуя в разных плоскостях, в контексте романтизма впервые поэтически объединены в одном поле как образцы древней восточной поэзии, сила которой решительно изменила лицо человечества. Поэтому, как заметил еще Г. А. Гуковский, в эпоху романтизма формируется восточный стиль – «стиль Корана и стиль Библии вместе и в то же время стиль иранской поэзии и кавказских легенд» [4, с. 73]. Не удивительно, что «Подражания Корану» Пушкина и отсылающий к ним лермонтовский «Демон» в качестве сигнализаторов восточного менталитета ставят не столько экзотическое пространство, сколько возвышенную церковно-славянскую лексику и, местами, библейский синтаксис.

Главной проблемой исследования мусульманского текста русской литературы является вопрос о сущности и причинах появления этого феномена. Исходных позиций может быть две. Первая предполагает, что мусульманский текст возник исключительно под влиянием аналогичной европейской тенденции. Вторая исходит из того, что генезис мусульманского текста основан на внутренней готовности русской литературы принять в свою ткань «иные» структуры.

Если мы предполагаем, что мусульманские компоненты проникали в русскую литературу в результате западной философско-эстетической «интервенции», то естественным следствием такого явления мы должны признать отсутствие его глубины, сложности и, как следствие, ожидать недолговременности его репрезентативности. Однако на деле мы наблюдаем как раз противоположный феномен: сформированный в русской литературе по диалектическому принципу изменения количества мусульманских концептов, что перешло в качество их осмысления, мусульманский текст занял прочную нишу, созданную самой системой русской ментальности и отечественной художественной системой специально для него. Поэтому в отношении мусульманского текста следует использовать термин «формирование», а не «проникновение» в отношении его элементов.

Процессу формирования способствовало несколько существенных факторов: географическая близость мусульманского мира, долгий исторический период межгосударственного и межкультурного взаимодействия, наличие собственной эзотерической традиции (не вполне реализовавший свои потенциалы исихазм и осознававшее себя во многом уникальным русское масонство), особенности русского романтизма и традиции становления и осмысления т.н. «русской идеи» – цели существования русской цивилизации в синхроническом и диахроническом аспектах. Однако следует заметить еще один фактор, вбирающий в себя все вышеперечисленные, – это явление в русской культуре периода становления мусульманского текста во многом уникальных личностей – А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, О. И. Сенковского, а также авторов, не получивших должной оценки массового читателя, но оставивших после себя значительное во многих отношениях литературное наследие. Ключевым автором, повлиявшим на формирование мусульманского текста, несомненно, был А. С. Пушкин, а ядерными текстами концептосферы мусульманского текста стали цикл «Подражания Корану» и «Пророк», сформировавшие модели эксплицитного и имплицитного проявлений мусульманского текста.

Исследуя имплицитные проявления мусульманского текста, следует помнить о том, что в традиционных, устоявшихся в науке интерпретациях его элементы часто не осознаются в связи с мусульманской культурой, функционируя в структурах произведений под эстетической маской ориентализмов (как «дева рая» в стихотворении И. П. Мятлева «Как хороши, как свежи были розы...», 1834 г.). Другой случай имплицитного функционирования мусульманских кодов в тексте, представляющих методологическую проблему для исследователя, представляется в текстах, обращенных к традиции исламского мистицизма. Например, в стихотворении И. А. Бунина «Мекам» (1906-1907 гг.) воспроизводится духовная практика и философия суфизма. Этот факт выводится не только из суфийского термина «мекам» (стоянка на пути

духовного самосовершенствования), но и из образного строя произведения: «священное раденье», «алчет бога видеть наяву», «на расстоянье лука» и др., при этом понять указанные аллюзии способен человек, знакомый с мусульманской мистико-философской системой.

Логика исследования подобных структур заключается в том, чтобы определить, говоря словами В. В. Виноградова, «смысл таких “заимствований” и “подразумеваний” в их первоначальном контексте», что в контексте исследования мусульманского текста станет «отправной точкой их семантического приспособления к новой композиционной системе. Поэтому задача исследователя сводится не только к тому, чтобы установить факт “заимствования”, но и к тому, чтобы определить значение фразы на ее родине, в контексте ее первоисточника – и затем понять, как это значение применено» в новой художественной системе [3, с. 154-155].

И хотя зачастую в художественных текстах русской литературы эти символы и аллюзии раскрывают только поверхностный ряд своих значений, их очевидной связи с эстетикой и философией суфизма оказывается достаточно для придания всему произведению статуса принадлежности к мусульманскому тексту.

В заключение следует сказать несколько слов о номинации объекта исследования. «Мусульманский текст русской литературы» – более удачное название, чем «исламский текст русской литературы». В арабском языке *islam* – это наименование системы, а *muslim* – нечто, относящееся к этой системе, что в общем плане соотносится как общее и частное: в понятии «исламский» объединены религия, культура, наука, философия, мистицизм, а понятие «мусульманский» связано с конкретным проявлением этой системы – Коран, гарем, мюрид, Хафиз, газель и т.п. Интерес русских авторов к исламу разворачивался как раз «от частного к общему»: от внимания к конкретным проявлениям ислама к постижению концептуального единства, скрытого за этими проявлениями.

Мусульманский текст как объект структурного анализа имеет большие научные перспективы, поскольку не навязывает исследователям идеологические предпочтения, а открывает широчайшее поле междисциплинарных исследований западно-восточного межкультурного взаимодействия.

Список литературы

1. **Аверинцев С. С.** Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7. С. 210-220.
2. **Алексеев П. В.** Формирование мусульманского текста русской литературы в поэтике русского романтизма 1820-1830-х гг.: дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 188 с.
3. **Виноградов В.** О стиле Пушкина // Литературное наследство: Александр Пушкин. М., 1934. Т. 16-18. С. 135-214.
4. **Гуковский Г. А.** Пушкин и поэтика русского романтизма (Проблема национально-исторического колорита в романтической поэзии) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1940. № 2. С. 56-92.
5. **Лихачев Д. С.** Развитие русской литературы X-XVII вв. Эпохи и стили. Л., 1973. 254 с.
6. **Лотман Ю. М.** Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998. 704 с.
7. **Люсый А. П.** О ментальной карте России: к философии текстуальности // Человек вчера и сегодня. Междисциплинарные исследования / РАН, Институт Философии. М., 2007. С. 237-247.
8. **Меднис Н. Е.** Сверхтексты в русской литературе [Электронный ресурс] // URL: <http://medialib.pspu.ru/page.php?id=1280> (дата обращения: 25.04.13).
9. **Пушкин А. С.** Письмо Вяземскому П. А., конец марта – начало апреля 1825 г. Михайловское // Переписка А. С. Пушкина: в 2-х т. М., 1982. Т. 1.
10. **Четвертных Е. А.** Элизийский текст в русской поэзии XIX-XX вв.: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010. 210 с.

MUSLIM TEXT OF RUSSIAN LITERATURE AS OBJECT OF STRUCTURAL ANALYSIS

Alekseev Pavel Viktorovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Gorny Altai State University
conceptia@mail.ru

The author defines more exactly the content of the notion “Muslim text of the Russian literature” within the framework of local texts theory, considers the place of Muslim text among similar phenomena, researches the foundations of Muslim text separation as the object of semiotic research, determines the research methodology, which is based on the principles of structural analysis, and suggests a fundamentally new approach to the system analysis of the east-western synthesis in the Russian literature.

Key words and phrases: Muslim text; concept sphere; west-eastern synthesis; local text; eastern poetics; Sufism; intertextuality.